

5. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2004. – 1536 с.
6. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 22 изд., стер. – М. : Рус. яз., 1989. – 848 с.
7. **Порошина А. И.** Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации (на материале поэтических произведений М. И. Цветаевой) / А. И. Порошина // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1. – С. 164–165.
8. **Толковый словарь современного русского языка.** Языковые изменения конца XX столетия ; под. ред. Г. Н. Скляревской. – М. : ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 944 с.
9. **Эрвин С. М.** Семантический сдвиг при двуязычии // Зарубежная лингвистика / пер. с англ., нем., фр. / под общ. ред. В. Ю. Розенцвейга и др. – М. : Прогресс, 1999. – С. 100–113.

Надійшла до редколегії 31.05.11

УДК 81'42

Л. В. Валеева

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МИФЕМЫ

Розглянуто взаємозв'язок активності міфем, мовних одиниць міфа і прагмалінгвістичної орієнтації дискурсу. Описано засоби і способи мовної репрезентації міфа в магічному, політичному та мас-медіадискурсі.

Ключові слова: міф, міфема, дискурс, прагмалінгвістика.

Рассмотрена взаимосвязь активности мифем, языковых единиц мифа и прагмалингвистической ориентации дискурса. Описаны средства и способы языковой репрезентации мифа в магическом, политическом и масс-медиадискурсе.

Ключевые слова: миф, мифема, дискурс, прагмалингвистика.

The article examines the relationship of mytheme activity, linguistic units of a myth, and pragmalinguistic orientation of discourse. It describes the tools and methods of language representation of myth in magic, political and massmedia discourse.

Keywords: myth, mytheme, discourse, pragmalinguistics.

Постановка проблеми. В современной науке формируется группа статусных лингвистических единиц, чей универсальный характер является не недостатком, а «бонусом» дальнейшего научного развития. В эту группу входят дискурс и миф как выражение социокультурного опыта и социокультурной практики.

Разработка теории дискурса связана с пониманием процессно-интерпретационной модели языка. Подобный подход Т. А. ван Дейк назвал стратегическим [3]. В лингвистической литературе наблюдается терминологическая семантизация понятия *дискурс*. Дискурс от значения «логически последовательное изложение» расширяется до значения интертекстуальности. Е. С. Кубрякова утверждает, что когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет дать объекту максимально полное и всестороннее описание, описание интегральное, в котором учитываются как когнитивные, так и коммуникативные особенности его бытия в системе языка [7]. В настоящее время дискурс позволяет посредством интерпретации реконструировать реальное, желаемое, виртуальное положение дел. В. З. Демьянков отмечает, что при помещении содержания очередной порции

дискурса в рамки уже полученной или предварительной интерпретации устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого верифицированного элемента и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса [4].

Коммуникативная обусловленность когнитивных способностей дискурса объединяет его с мифом, который в последние десятилетия реанимировал свои уникальные свойства и вследствие чрезвычайной активности и многофункциональности завоевал информационное пространство. Осознание миссионерского значения мифа в век множественности, стремительности и фрагментарности информации происходит, во-первых, из-за его способности инсценировать социальную практику и преобразовывать знания в «сгустки» смысла; во-вторых, из-за его умения адаптировать и интерпретировать имплицитные и суммарные знания соответственно экстралингвистическому фону и коммуникативной ситуации.

Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного описания способов вербализации мифа и их зависимости от функциональной и типологической характеристики дискурса. **Цель** данного исследования – выявление связи между активностью семантической единицы вербализованного мифа и коммуникативно-прагматической направленностью дискурса.

Коммуникативно-прагматическое направление развивается на основе методологии деятельностного подхода, который включает социально психологические, социокультурные, межличностные и конситуативные условия. Ф. С. Бацевич, рассматривая соотношение языковой прагматики и коммуникации, поддерживает идею лидерства каждого из направлений в условиях разных проблемных ситуаций. По мнению ученого, доказательством важности каждого направления является соотношение функций языка на разных этапах развития лингвистической мысли. В синхронии важнейшей функцией является символическая, так как именно языковые символы выполняют коммуникативную и когнитивную функцию, а в диахронном (генетическом) аспекте коммуникативная функция предшествует не только когнитивной, но и собственно символической [1, с. 55].

Языковые символы, как основа коммуникации, формируют когнитивно прагматический контекст, состоящий из набора пропозиций. «Знания, верования, представления, намерения в их отношении к коммуникантам, дискурсу, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации, стилю дискурса, предмету и регистру общения, уровню формальности интеракции, физическим и психологическим состояниям – всем аспектам контекстуальности, можно представить в виде набора пропозиций, которые, помимо актуализации в высказываниях, фигурируют в качестве разных компонентов «скрытого» коммуникативного содержания» [8, с. 150]. Контекст – динамичная, активная структура, которая обладает творческим потенциалом, так как участники коммуникативного события в соответствии с условиями контекста интерпретируют необходимые сведения/пропозиции из общего фонда знаний. М. Л. Макаров показывает взаимообусловленность дискурса и контекста: постоянная динамика старого и нового знания приводит к трансформации релевантной, актуализированной в речи пропозиции в элемент непосредственного контекста, или оперативной памяти, с последующим возможным закреплением в качестве составной части обобщенного образа данного типа ситуации, а впоследствии – как значимого символа культурного контекста [8].

Таким образом, коммуникативно-прагматическая мотивированность дискурса не вызывает сомнений. Мы понимаем дискурс как тип коммуникативной деятельности, эксплицированный с помощью особым образом упорядоченных и систематизированных языковых символов, организованный на основе обществен-

ной практики, тактик и стратегий участников коммуникативного события, представляющий социально, идеологически и исторически обусловленную ментальность. Дискурс – это структура, не приемлющая порядок ради порядка, это особое использование языка, представляющего конкретную общественную практику.

В современном учении о дискурсе (Н. Д. Арутюнова, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Е. А. Селиванова и многие др.) различаются группы факторов, влияющих на типологизацию дискурсивных практик. В качестве одного из системообразующих факторов дискурсивного пространства называют прагмалингвистическое и социолингвистическое основание. По мнению В. И. Карасика, социолингвистический подход учитывает существование и активность социальных институтов: церкви, армии, школы и под. и представляет типы дискурса статусно-ориентированного общения. К социолингвистической группе дискурсов относятся политический, военный, спортивный, религиозный, юридический, педагогический, медицинский, научный и другие типы институциональных дискурсов, имеющих ключевой концепт для соответствующего института, как, например, *власть* для политического дискурса [6]. Прагмалингвистика, или лингвистическая прагматика, изучает отношение между лингвистическим знаком и тем, кто его использует [10]. Группа прагмалингвистических дискурсов (игровой, магический, юмористический и подобные дискурсы) представляет модели и стратегии интерактивно-когнитивного поведения, так как они направлены на освещение признаков способа и канала общения. Дискурсы подобного типа определяются воздействующими задачами адресата [6]. Это дискурсы синхронного типа (по классификации Ф. С. Бацевича). Следовательно, языковые символы являются основными средствами выражения прагматических намерений участников коммуникации.

Конвенциональная природа современного информационного пространства требует новых способов взаимопонимания и контакта. Миф с соответствующими формами вербального представления, с одной стороны, обладает максимальной способностью к интерпретации, с другой стороны, ориентирован на архетипы, в основе которых трансцендентные понятия *радость, счастье, страх* и т. д., в-третьих, представляет эгоцентрические интересы субъекта коммуникативного действия (близкое/далекое, свое/чужое, надежное/опасное и под.). Миф соответствует ожиданиям и одновременно формирует их. Р. Барт, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, К. Леви-Стросс и др. отмечают распространение мифологических моделей как архаического типа, созданных профанным мировосприятием, так и идеологизированных, искусственных, сконструированных в соответствии с политическими целями отдельных интеллектуальных или властных структур. Общим для всех видов мифологизированного сознания является вербальная репрезентация мифознака и несоответствие действительности, фантомность денотата. Анализ понятийного корпуса репрезентации мифа в языке и в других областях гуманитарного знания показал релевантность термина мифемы в качестве языковой единицы мифа [2]. Другим термином – мифологема – будем называть смысловое ядро, содержательный образ мифа. Признак несоответствия действительности рассматриваем с позиции реалистически аксиоматического сознания. Миф всегда востребован дискурсом, так как строится на стратегии направленной интерпретации мифа как реальности, скрывающейся за «внешней» реальностью.

Магический дискурс, как прагмалингвистический тип дискурсивного пространства, строится на своеобразии признаков способа и канала общения. Важнейшими элементами дискурса этого типа являются участники общения (маг и клиент) и знаки (вербальные и невербальные), демонстрирующие ценность сверхъестественного как силы. Магический дискурс формируется посредством

первичных чувственно-рациональных и иррациональных знаков. К таким формам относятся мифемы, связанные с перцептивным и интуитивным познанием мира и тиражирующие древнейшие общечеловеческие и национальные мифологические представления и образы. Мифемы архаического (культурного) мифа представлены именами вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках (мифонимами), собственными именами божеств любого пантеона (теонимами) [11]. Напр., мифонимы: *Замкну за тридевять замков, выну из тридевять замков тридевять ключей, кину те ключи в чистое море-океан, и выйдет из того моря щука златоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей и сойдет в глубину морскую. И никому той щуки не поймать, и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать, и меня не испортить* [12, с. 153]. В магическом дискурсе в жанрах предсказаний, гороскопов, гаданий и т. п. (жанровая система магического дискурса дается по работам Е. Н. Бабаевой, Н. Б. Мечковской) используются мифемы – слова-обереги, утверждающие положительные ценности, моделирующие позитивные оценки и настроения, программирующие здоровье и успех: *удача, счастье, мечта, интуиция, цель, желание* и под., или мифемы, называющие природные силы и явления: *звезды, небо, утро* и т. п. Напр.: *Счастье не за горами, нужно просто в него поверить* (Семейный лекарь, 2008); *Будьте бдительны и осторожны в обещаниях: звезды предупреждают о вероятной агрессии* (Товарищ Крым, 2008).

Магический дискурс оперирует языковыми знаками, прошедшими испытание временем и вошедшими в культурную память человечества или отдельной нации. Таким образом, двойственная природа мифа в магическом дискурсе не осложняет коммуникативный процесс, а воспроизводит имеющийся опыт (личный и социумный) и позволяет преобразовать надличностное в индивидуальное.

Политический дискурс традиционно относится к социолингвистическому типу. Однако способы и средства организации дискурса свидетельствуют о подчинении символов, атрибутов и институтов политической власти стратегиям коммуникации. Одним из признаков редукции дискурса является активное мифотворчество и, соответственно, диктатура мифем. В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, В. Г. Ибрагимов, М. Кастельс, Е. И. Шейгал, Н. И. Шестов, В. Е. Чернявская и мн. др. указывают на существование матрицы конструирования мифологического сознания. Особенность мифологического кодирования в политическом дискурсе, по мнению И. А. Мальковской, в сужении до «конкретной данности», когда дискурс, «хотя и способен в своих целях опираться на хранимое подсознанием сакральное, в практическом плане использует “текущий момент”» [9, с. 106]. В дискурсивной практике борьбы за власть исчезают культурно значимые, ценностно ориентированные мифемы космологического и исторического ряда. Коммуникативные события превращаются в мозаичные сообщения манипулятивного типа, постулирующие идеологемы массовой культуры и властной «вертикали». Исследователи приемов манипуляции сознанием характеризуют политический дискурс по способу и каналам сообщения. Е. И. Шейгал описывает референт мифологемы, который можно отнести к каналу сообщения, – субъект дискурса, носитель мифа (Кто знает? Кто верит? Кто рассказывает?); и субъект собственно мифа (о ком миф?), который можно считать способом сообщения. Исследователь относит к мифемам (по нашей терминологии) аффективы, среди которых различает политический термин и аксиологически обобщенное прецедентное имя, и фидеистические знаки, представляющие веру и противоположный полюс – неверие [13]. С. Г. Кара-Мурза признаками способа сообщения считает десакрализацию языка («превращение ценности в товар» [5, с. 81]); уклонение от контакта с историче-

ским временем; неустанное повторение одних и тех же утверждений, приводящее к привыканию, чтобы «стали принимать не разумом, а на веру» [5, с. 56], и т. д.

Назойливая мифологизация в соответствии с интересами «стремящихся во власть», навязывание корпоративных интересов осуществляется в пространстве масс-медийной коммуникации. Напр.: *Поддержание страха – главное средство власти, и чем дальше в лес, тем больше подозрительности и карательных отрядов, тем меньше усилий сохранить лицо и не выдать собственный страх, а от того – карикатурнее имитация демократии* (ЗН, № 40, 2010); *К сожалению, демократия (права и свободы) такая хрупкая вещь... Это можно представить как некую физическую модель. Есть такое понятие в физике – потенциальная яма, когда объект по своим энергетическим характеристикам находится на дне потенциальной ямы, и потенциала его не хватает, чтобы вырваться оттуда. И только с помощью сторонних сил у него это получится. Демократия – то же самое. Наш физический объект балансирует на краю этой ямы. Как только он туда сваливается, как только население лишается прав, растет всеислие спецслужб, осведомительская сеть, подавление любых проявлений свободомыслия... Самостоятельно общество вырваться из этой ямы уже не может* (ЗН, № 37, 2010) – политический термин *демократия* утратил связь с исходным значением «правление народа, воля народа, все для народа» и превратился в амбивалентное, не скоординированное с реальностью понятие; языковая единица представляет вторичную семиотическую номинацию, интерпретация которой соответствует мифологизированному «моменту истины». Таким образом, как и в магическом дискурсе, в политическом актуализированы мифемы-носители трансформированного в фантом денотата, что свидетельствует о перерождении политического дискурса из социолингвистического в прагматический при наличии специальных государственных институтов.

Особый интерес представляет масс-медиадискурс, в котором вся знаковая система языка непрерывно настраивается и перестраивается в зависимости от задач и условий коммуникативного действия. Фасетность инфосферы объясняет включенность всевозможных синтагматических и парадигматических вариантов мифемы в масс-медийные тексты. Мифема является вероятностным и активным атрибутом когнитивно прагматической структуры масс-медиадискурса, что требует дальнейшего исследования.

Вывод. Активность мифемы является свидетельством прагматической ориентации дискурса. Характеристика мифемы позволяет определить стратегии развития дискурса: трансформация (расширение, наложение) традиционно обозначенных мифологических представлений свидетельствует о культурных конвенциях в рамках мультикультуры и о социокультурной направленности процессов мифологизации; соответствие аксиологической маркированности мифемы не общечеловеческим понятиям, а интенции и пресуппозиции говорящего (автора) свидетельствует о процессах деформации (смещения) и о зависимости мифемы от политической (идеологической) конъюнктуры.

Библиографические ссылки

1. **Бацевич Ф. С.** Нариси з комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 281 с.
2. **Валеева Л. В.** Семиотическая модель мифа в языке / Л. В. Валеева // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Том 24 (63). – № 1. Часть 1. – Симферополь, 2011. – С. 220–224. – Серия «Филология. Социальные коммуникации».

3. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
4. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой : [Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров]. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
5. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академический проект, 2007. – 384 с. – (Социально-политические технологии).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
9. Мальковская И. А. Знаки коммуникации. Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.
10. Матвеева Г. Г. Функциональная и скрытая прагмалингвистика / Г. Г. Матвеева. – Режим доступа : http://rspu.edu.ru/pageloader.php?pagename=science/scientific_directions/pragmalinguistic_school/publications/matveeva_9
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
12. Словарь славянской мифологии / [сост. Н. П. Рябошлык]. – М. : Центрполиграф, 2009. – 238 с.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 430 с.

Надійшла до редколегії 01.06.11

УДК 811.161.1'37

А. В. Галаева

Херсонський державний університет

СТРУКТУРНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Розглянуто основні методи аналізу лексичних інновацій з позицій семасіології і ономастології. Наведено приклади аналізу лексичного значення слова як двостороннього явища – з'єднання структури і абстрактної ідеї. Такий двосторонній підхід допомагає більш повно розкрити значення слів, показати семантичну деривацію в динаміці, дати повніший і чіткіший набір характеристик фрейма.

Ключові слова: структурна лінгвістика, когнітивна лінгвістика, семантична деривація, компонентний аналіз, фреймовий аналіз.

Рассмотрены основные методы анализа лексических инноваций с позиций семасиологии и ономастологии. Приведены примеры анализа лексического значения слова как двустороннего явления – соединения структуры и отвлеченной идеи. Такой двусторонний подход помогает более полно раскрыть значения слов, показать семантическую деривацию в динамике, дать более полный и четкий набор характеристик фрейма.

Ключевые слова: структурная лингвистика, когнитивная лингвистика, семантическая деривация, компонентный анализ, фреймовый анализ.